

Восточный папизмъ въ IX вѣкѣ *).

На переломѣ IX вѣка, среди страстнаго столкновенія между Константинополемъ и Римомъ, выяснялись и опредѣлялись новыя отношенія между восточной и западной церквами. Старыя связи замѣтно ослабѣли; новыя отношенія шли на смѣну прежнихъ, и если они еще не установились, то соотвѣтствовавшія имъ и подготовлявшія ихъ чувства и настроенія успѣли пріобрѣсти опредѣленную окраску. Былому союзу церквей исторія нанесла уже не мало ударовъ, и хотя за сравнительно недавнюю эпоху иконоборчества междуцерковныя связи еще обнаружили свою живую силу и въ нравственномъ единеніи съ Римомъ восточное православіе одержало верхъ надъ ересью, то уже немало промелькнуло и залегло между Востокомъ и Западомъ тѣней, предвѣстниковъ грядущаго раздѣленія. Съ тѣхъ поръ, какъ византійская императорская власть выпустила изъ своихъ рукъ скипетръ Запада, не было единой внѣшней силы, которая въ нужныя минуты могла-бы содѣйствовать примиренію противоположныхъ интересовъ и сдерживать опасныя для церковнаго мира тенденціи отдѣльныхъ папъ и патріарховъ. По частнымъ поводамъ уже происходили острыя столкновенія, затяжныя недоразумѣнія между первосвященниками Тибра и Золотого Рога. Недоразумѣнія устранились, ссоры прекращались, зачеркнутыя имена вносились въ диптихи; но оставался горькій осадокъ ссоры, непріятное о ней воспоминаніе. Съ каждымъ вѣкомъ поводовъ къ взаимному неудовольствію накоплялось больше и больше. Пользуясь цѣпью

*) Рѣчь предъ защитой магистерской диссертациі: „Ф. М. Россейкинъ. Первое правленіе Фотія, патріарха константинопольскаго“. Сергіевъ Посадъ. 1915.

благопріятныхъ историческихъ условій, папство упрочиваетъ свое положеніе и вліяніе на западѣ. Римскій первосвященникъ поднимается надъ западнымъ епископатома и, нѣкогда первый среди равныхъ, становится властнымъ, а потомъ и полновластнымъ ихъ главою; въ соотвѣтствіи съ наличнымъ порядкомъ вещей вырабатывается папистическая идеологія. На востокѣ, въ Византіи, происходитъ до нѣкоторой степени аналогичный и въ то-же время конкурирующій процессъ возвышенія константинопольскаго патріарха. Епископъ восточной столицы пріобрѣтаетъ права патріарха, и вселенскіе соборы, II и IV, а за ними Трулльскій, выдвигаютъ его на второе, послѣ епископа древняго Рима, мѣсто въ спискѣ пяти патріарховъ. Папамъ непріятно это нарождающееся соперничество; они противоборствуютъ ему, отказываютъ въ признаніи 28 халкидонскаго правила, протестуютъ противъ присвоенія к-польскими патріархами титула вселенскаго, и, вынужденные уступить силѣ вещей, все-же принимаютъ упрочившійся на востокѣ порядокъ патріаршихъ кафедръ, хотя и не упускаютъ случая указать к-польскому соборату его надлежащее мѣсто—не второе, а послѣднее. Иконоборческій періодъ, если и сблизалъ, необходимою совмѣстной борьбы съ жестокой ересью, восточное и западное христіанство, однако оставилъ послѣ себя новые поводы къ разрыву. Левъ Исавръ, мстя папамъ за ихъ противодѣйствіе его иконоборческой политикѣ, отнялъ у Рима ессалоникскій экзархатъ съ Сициліей и Калабріей и передалъ ихъ подъ юрисдикцію к-польскихъ патріарховъ. Послѣдніе приняли этотъ даръ изъ рукъ „звѣроименнаго“ еретика и больше не выпускали его, несмотря на протесты и жалобы папъ. Въ то-же самое время папы раздражили византійскихъ императоровъ своимъ уклоненіемъ отъ союза съ Византіей и сблизеніемъ съ франками. Въ разгаръ иконоборчества, потерпѣвшіе отъ лонгобардовъ неисчислимыя бѣды и отчаявшіеся въ помощи Византіи, папы ищутъ защиты у франковъ. Пипинъ Короткій вырываетъ изъ рукъ лонгобардовъ равеннскій экзархатъ и даритъ его кафедрѣ Петра (754 г.); а въ благодарность за услуги каролинговъ, Левъ III коронуетъ Карла Великаго императорскою короною. Такъ происходитъ возстановленіе Западной римской имперіи; но ея прерогативы оказываются въ рукахъ франкскаго вождя. Византія, единственная законная

наслѣдница имперіи, не можетъ простить ни франкамъ ихъ узурпаціи, ни папамъ ихъ измѣны. Въ довершеніе къ прочему, начинается обнаруживать свое дѣйствіе давно подготовлявшаяся культурная рознь и отчужденіе. Западъ и Востокъ прежде всего перестали понимать другъ друга за незнаніемъ языковъ; на западѣ не знаютъ греческаго, на востокѣ латинскаго. Литературный и идейный обмѣнъ крайне ограниченъ; богословскіе споры Востока слабо стражаются на западѣ, западные не доходятъ до Востока. Вскрываются различія въ богословіи, нарастаютъ несогласованности въ церковномъ строѣ, въ каноникѣ, въ церковныхъ обрядахъ и обычаяхъ. Мало зная другъ друга, стороны смотрятъ одна на другую съ недовѣріемъ и предубѣжденіемъ. Византіи охотно и не безъ высокомерія подчеркиваютъ свое культурное превосходство и величаютъ латинянъ варварами; западные внимательно ищутъ недостатковъ у восточныхъ. Съ недовѣріемъ рука объ руку идетъ нетерпимость, а Трульскій соборъ не останавливается предъ тѣмъ, чтобы поставить римской церкви на видъ и подвергнуть осужденію нѣсколько ея обрядовъ и обычаевъ, какіе, по мнѣнію грековъ, уклоняются отъ вселенскихъ нормъ. Зато въ Римѣ очень охотно подсчитываютъ, сколько еретиковъ сидѣло на к-польской каедрѣ и какихъ ересей наплодила Византія.

Ясно, что междуцерковный надломъ уже намѣтился. Еще не было непосредственныхъ споровъ о вѣрѣ, одогмѣ и обрядахъ; но уже прозвучало—не въ Византіи, а въ далекомъ, поработенномъ арабами Іерусалимѣ—грозное слово „ересь“ въ приложеніи къ западному возрѣнію на исхожденіе Св. Духа. Чувствовалось, что отношенія перестали быть опредѣленными, въ прежнемъ смыслѣ; что стороны во многомъ разучились понимать другъ друга. Можно было ждать, что накопившаяся вѣками холодность, недовѣріе и враждебность прорвутся наружу и, вмѣсто мира, настанетъ открытый раздоръ, вмѣсто былого союза—вражда и борьба. Въ сущности, стоило только той или другой сторонѣ высказаться до конца, ясно и опредѣленно,—и новыя отношенія станутъ тоже ясны и опредѣленны. Первымъ и высказался Западъ. Папа Николай I, человекъ рѣзко очерченныхъ взглядовъ, прямого и твердаго характера, „Желѣзный“ папа, убѣжденный сторонникъ и могучій поборникъ папской системы, предъявилъ

К-полю свои откровенныя, небывало-ясныя притязанія на супрематію во вселенской церкви. Отвѣтъ К-поля, формулированный Фотіемъ, и послѣдствія этого отвѣта извѣстны.

Чѣмъ болѣе подготовлено историческое явленіе, чѣмъ неизбѣжнѣе оно, тѣмъ меньше простора остается для личной воли историческихъ дѣятелей и, можно сказать, тѣмъ меньше ихъ нравственная отвѣтственность. Но и тамъ, гдѣ вопросъ объ отвѣтственности возникаетъ съ законнымъ правомъ, можно еще спрашивать, кто изъ дѣятелей проявилъ большую активность и инициативу. {Въ столкновеніи съ Николаемъ и разрывѣ церкви шла ли инициатива враждебныхъ выступленій со стороны Фотія? Нѣтъ, не шла. Свой отвѣтъ на притязанія Николая онъ далъ въ два приѣма, въ соотвѣтствіи съ двумя выступленіями Рима. Въ 863 г. на римскомъ соборѣ папа осудилъ и анаѳематствовалъ Фотія. Фотій отвѣтилъ на этотъ приговоръ молчаніемъ, другими словами, отвергъ притязанія папы на верховенство въ церкви, а позднѣе довелъ это отрицаніе до его предѣла, до суда надъ самимъ папой, чѣмъ показали, что въ глазахъ восточной церкви папа среди патріарховъ лишь первый среди равныхъ и можетъ подлежать ихъ соборному суду. Въ концѣ 866 г. латинскіе миссіонеры въ Болгаріи позволили себѣ не только поголовно изгнать трудившееся здѣсь греческое духовенство, но нанесли оскорбленіе всему восточному обряду. Фотій отвѣчаетъ своей энцикликой и соборомъ 867 года: латинскія обрядовыя новшества и Filioque осуждены, чѣмъ показано, что римская церковь вовсе не обладаетъ той непогрѣшимостью и чистотой вѣроученія и обряда, на которыя притязаетъ и которыми такъ гордится. Ни въ одномъ изъ этихъ двухъ выступленій, столь рѣшительныхъ и столь важныхъ для исторіи раздѣленія церкви, Фотій не выступалъ съ собственной инициативой. Инициатива всецѣло принадлежала Риму; к-польскому патріарху оставалось съ ней считаться.

Высказывался Римъ; Фотій дѣлалъ выводы.

Два основныхъ вывода, вскрывшіе противоположность точекъ зрѣнія Востока и Запада въ области догмы и въ основахъ церковной организаціи, хорошо извѣстны. Римъ высказался за Filioque; Востокъ его отвергъ. Римъ ищетъ су-

прематіи и хотеть системы папства; Востокъ удерживаетъ принципъ независимости помѣстныхъ церквей и идею вселенской соборности. Это были главные пункты расхожденія. Но переломъ долженъ былъ сказаться и въ другихъ областяхъ.

Мы остановимся на одной области церковно-правовыхъ отношеній, гдѣ очень осязательно долженъ былъ сказаться этотъ переворотъ, и остановимся затѣмъ, чтобы освѣтить личное отношеніе Фотія къ этой перемѣнѣ и его возможные мотивы, которыми онъ могъ здѣсь руководиться. Мы имѣемъ въ виду церковно-правовой вопросъ объ отношеніи к-польскаго патріарха, съ одной стороны, къ папѣ, съ другой—къ прочимъ патріархамъ Востока. Самый вопросъ возникалъ совершенно неизбежно, какъ слѣдствіе простого факта разрыва церквей. До разрыва, отношенія епископа Новаго Рима какъ къ папѣ, такъ и къ восточнымъ патріархамъ, были канонически установлены твердо: к-польскій патріархъ по чести—второй послѣ папы и выше прочихъ. Но теперь, когда намѣчался разрывъ и когда римскій епископъ тѣмъ самымъ выходилъ изъ патріаршей пентады, какое мѣсто должно остаться на долю к-польскаго патріарха? Очевидно, со второго мѣста онъ долженъ былъ перемѣститься на первое. Но въ такомъ случаѣ, нельзя-ли предполагать, что Фотій сознательно стремился занять это первое мѣсто, что въ своихъ выступленіяхъ противъ папства онъ былъ далеко не безкорыстенъ и не только защищалъ себя и восточную церковь, на что онъ имѣлъ право и былъ обязанъ дѣлать, но вдохновлялся еще и другими мотивами, гораздо менѣе привлекательнаго свойства, личной гордостью и властолюбіемъ?

Эти мотивы могли дѣйствовать тѣмъ живѣе и настойчивѣе, что они находили свою пищу во многихъ условіяхъ. Прежде всего, личныя достоинства Фотія и заслуги его управленія были такъ высоки, что, казалось, онъ имѣлъ право подумать о возвышеніи своего положенія. Рѣдкостный, по энергіи и таланту, дѣятель, онъ, какъ немногіе изъ его предшественниковъ, послужилъ церкви—своимъ папствомъ, своей проповѣдью и назидательной перепиской, устной и литературной борьбой съ ересями, небывало-широко развернувшимся миссіонерствомъ, съ которымъ связаны великія и

святѣя имена Кирилла и Меѳодія. Онъ послалъ свв. братьевъ къ хазарамъ; съ его благословенія явился на свѣтъ ихъ великій трудъ перевода слова Божія на славянскій языкъ,—та Библия, которая породила и взлелѣяла славянскую духовную культуру,—которая навсегда осталась не только символомъ, но и реальной основой объединенія такъ склонныхъ къ разброду славянъ,—въ поиски за подлиннымъ ликомъ которой на нашихъ глазахъ снаряжается крестовый походъ русской науки. Съ этой славянской Библией ушли изъ К-поля Солунскіе братья на Дунай, чтобы проповѣдывать слово Божіе моравскимъ и паннонскимъ славянамъ и чтобы, самымъ дѣломъ своимъ, сдерживать религіозное движеніе латинства и политическій натискъ нѣмцевъ на греко-славянскій Востокъ. Фотій велъ энергичныя попытки вернуть монофизитствующую армянскую Церковь въ лоно православія; онъ наложилъ смиряющее, облагораживающее и спасающее ярмо христіанства на дикія выи руссовъ, нашихъ предковъ; его епископъ, если не онъ самъ, крестилъ болгарскаго князя Бориса,—болгарской, а не нѣмецкой крови,—и его народъ, и не мало положилъ онъ пастырскихъ трудовъ и заботъ, чтобы прикрѣпить болгаръ къ православію Востока и удержать ихъ отъ сближенія съ латинствомъ и нѣмцами. Наконецъ, въ борьбѣ съ Римомъ, онъ отстаивалъ церковную независимость и идеалы византійской церкви. Велики были заслуги Фотія предъ церковью. Но не мало сдѣлалъ онъ для общества и государства. Общество нашло въ немъ ученѣйшаго человѣка своего времени, главу высшей школы, вожда просвѣтительнаго движенія,—организатора благотворительности. Для государства—онъ служилъ опорой политическаго вліянія Византіи среди сосѣднихъ народовъ, отъ далекой Хазаріи и Тавриды до Дуная, отъ Адриатики до Арменіи и халифата.

Если личныя достоинства Фотія и его заслуги могли такъ сказать, оправдывать возможныя притязанія на возвышеніе, то отношенія къ нему Рима и, обратно, его отношенія къ Западу должны были усиливать эти притязанія. Фотій не могъ не чувствовать своего превосходства надъ Западомъ и, какъ думаетъ Гергенрөтеръ, примать Рима долженъ былъ казаться ему тягостнымъ; Римъ слалъ ему проклятія,—тѣмъ естественнѣе желать, отъ него отдѣлаться разомъ и навсегда.

Что касается восточныхъ патріарховъ, то, поработанные и угнетенные арабами, они, конечно, не могли и думать о сопротивленіи властолюбивымъ поползновеніямъ византійскаго собрата, если-бы тому заблагоразсудилось обнаружить ихъ. Стоя на вершинѣ своей силы и вліянія, раздражаемый анаеемами Рима и его непомѣрными требованіями, ободряемый слабостью и униженіемъ поработанныхъ восточныхъ патріарховъ, не могъ-ли Фотій попытаться поднять свое положеніе—поставить себя не только независимымъ отъ Рима, но и первымъ среди патріарховъ, и не только первымъ по чести, но и выше ихъ по власти? Соблазнъ былъ тѣмъ больше, что достигнуть цѣли вовсе не представлялось труднымъ. Планъ дѣйствій намѣчался самъ собою. Что нужно было сдѣлать, какія мѣры принять въ этомъ направленіи?

Во 1-хъ, нужно было отвергнуть папскій примать.

Во 2-хъ, подтвердить за собою первое мѣсто среди восточныхъ патріарховъ.

Во 3-хъ, ограничить ихъ права въ свою пользу.

Не даетъ-ли исторія Фотія доказательствъ того, что патріархъ не только создалъ этотъ планъ, но успѣлъ его и осуществить?

Какъ будто, даетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не оказались выполненными всѣ три пункта программы? Если нужно было отвергнуть примать Рима, то Фотій, какъ мы видѣли, это уже и сдѣлалъ. Своимъ непринятіемъ приговора папы отъ 863 г. онъ не призналъ за Римомъ право верховнаго суда въ церкви, что еще ярче подчеркнулъ своимъ судомъ надъ самимъ папой на соборѣ 867 года.

Осуществленіе второго пункта программы достигалось другимъ путемъ и стояло въ связи съ догматической борьбой съ Римомъ. Осуждая выступленіе латинскихъ миссіонеровъ въ Болгаріи противъ восточнаго обряда и оплачивая имъ равной монетой, Фотій осудилъ введенныя ими въ Болгаріи обрядовыя новшества и *Filioque*. Такъ какъ Римъ и Западъ приняли эти новшества подъ свою защиту, то анаеемы Фотія перелагались вообще на всю западную церковь, которая такимъ образомъ оказывалась отпавшей отъ чистоты вселенскаго православія. Но если такъ, если Римъ и Западъ, вмѣстѣ съ своимъ главою-папой, переставали пребы-

вать въ Лонѣ вселенскаго православія, то не вытекало-ли отсюда, въ качествѣ естественнаго и необходимаго слѣдствія, что папа выходитъ изъ числа пяти признанныхъ патриаршихъ кафедръ и вмѣстѣ съ тѣмъ теряетъ свое первое мѣсто среди патриарховъ? Очевидно, такъ. Но кто-же тогда остается первымъ среди прочихъ? Конечно, к-польскій патриархъ, которому еще на II вселенскомъ соборѣ дано преимущество чести, подтвержденное на IV и засвидѣтельствованное на Трулльскомъ, признанномъ на востокъ шестымъ вселенскимъ соборомъ. Такъ, устраняя папу изъ патриаршей пентады, Фотій тѣмъ самымъ готовилъ себѣ первое мѣсто. Это перемѣщеніе примата, хотя-бы въ смыслѣ *προσβεβα τῆς τιμῆς*, могло придти въ голову и быть заявлено тѣмъ легче, что въ Византіи уже существовала мысль о томъ, что еще давно привилегіи древняго Рима перенесены на К-поль, Новый Римъ, и эта теорія за самое послѣднее время, въ 867 г., почти официально была заявлена греками въ Болгаріи, а оттуда сообщена болгарамъ къ свѣдѣнію Рима.

Наконецъ, для достиженія третьяго пункта программы требовалось проявить уже нѣкоторую личную инициативу, такъ какъ здѣсь приходилось внести въ сферу отношеній к-польскаго патриарха къ восточнымъ кафедрамъ, вмѣсто прежняго принципа полного равноправія, новый, доселѣ едва-ли извѣстный принципъ,—принципъ ограниченія власти трехъ патриарховъ въ пользу столичнаго. Но это и сдѣлано въ Эпанагогѣ, законодательномъ памятникѣ Василия Македонянина, изданномъ около 883 г. не безъ участія Фотія, во второе его правленіе. Въ Эпанагогѣ права к-польскаго патриарха расширены на счетъ правъ трехъ восточныхъ и, въ 9 и 10 главахъ знаменитаго III титула, формулированы такъ: во 1-хъ, константинопольскій патриархъ, какъ епископъ столицы, признанъ соборами первымъ среди прочихъ (т. е. восточныхъ); во 2-хъ, хотя въ предѣлахъ каждаго патриархата вся власть принадлежитъ мѣстному патриарху, однако к-польскій предстоятель можетъ наблюдать и споры, возникающіе среди прочихъ кафедръ, исправлять ихъ и полагать предѣлы судамъ; въ 3-хъ, онъ можетъ давать ставропигіи въ предѣлахъ прочихъ кафедръ ¹⁾. Говоря кратко, к-польскому патри-

¹⁾ *Zachariae a Lingenthal. Collectio librorum juris graeco-romani inedito-*

арху принадлежить первенство, право апелляцій и право ставропигій.

Итакъ, Фотій осуществилъ всѣ три пункта своей программы: отвергъ примать папы, упрочилъ за собою первенство и подчинилъ себѣ восточныхъ патріарховъ. Но если такъ, то не вырисовывается-ли предъ нами, въ очень отчетливыхъ контурахъ, цѣлая церковно-правовая теорія, даже полусуществленная система, смыслъ которой—въ перенесеніи примата на к-польскую кафедру и подчиненіи ей всѣхъ патріарховъ, и которую можно было-бы съ полнымъ правомъ назвать *системой восточнаго папизма*? Тогда и Фотія слѣдовало-бы разсматривать какъ творца этой системы и предшественника другого к-польскаго патріарха, тоже связавшаго свое имя съ раздѣленіемъ церквей, Михаила Керулларія, — названнаго у одного изъ нашихъ отечественныхъ ученыхъ „византійскимъ папой“¹⁾.

Посмотримъ, какъ нужно оцѣнивать три указанныхъ пункта и въ какой мѣрѣ ихъ выработка и практическое осуществленіе могутъ исходить отъ инициативы Фотія.

Фотій отвергъ папскій примать. Но, прежде всего, о какомъ приматѣ идетъ рѣчь? И всякій-ли примать обязанъ былъ принимать Фотій? Если понимать примать какъ *πρεσβεῖα τῆς τιμῆς*, преимущество чести, то это преимущество Фотій, конечно, долженъ былъ признавать, такъ какъ оно подтверждено за римскимъ епископомъ вторымъ и четвертымъ вселенскими соборами и повторено Трулльскимъ, — и есть всѣ основанія думать, что онъ его признавалъ, хотя въ своихъ сочиненіяхъ о приматѣ Рима и не высказывался. Однако, Николай въ своихъ притязаніяхъ шелъ гораздо дальше предоставленныхъ ему вселенскими соборами правъ и хотѣлъ примата въ смыслѣ супрематіи. Таковую супрематію Фотій не только имѣлъ право не признавать, но интересы восточной церкви обязывали его ее отвергнуть. Если-бы были вѣрны утвержденія защитниковъ папства (хотя-бы того-же Николая), что привилегіи римской кафедры дарованы ей самимъ

rum. Ecloga Leonis et Constantini, Epanagoge Basilii Leonis et Alexandri. Lipsiae 1852, p. 68.

¹⁾ Н. Суворовъ. Византійскій папа. Изъ исторіи церковно-государственныхъ отношеній въ Византіи. Москва 1902.

Христомъ чрезъ ап. Петра, и что вселенскимъ соборамъ оставалось только ихъ признать, то въ канонахъ вселенскихъ соборовъ и должны были-бы отразиться, съ исключашоюей всякія сомнѣнія ясностью, эти привилегіи кафедръ Петровой. Ничего подобнаго Фотій, самъ знатокъ каноническаго права, тамъ не находилъ. Что касается сардикійскихъ правилъ¹⁾, то во 1-хъ, ими папство могло еще подкрѣпить свое право апелляцій, но не принципъ подчиненія римской кафедрѣ всей церкви и даже вселенскихъ соборовъ, или принципъ папской непогрѣшимости; во 2-хъ, правила сардикійскаго собора, собора помѣстнаго, хотя и были признаны трулльскими отцами въ достоинствѣ дѣйствующаго каноническаго права, однако ихъ значеніе не было устойчиво и несомнѣнно. Вотъ почему Фотій и *имѣлъ основанія* отвергнуть притязанія Николая, и *былъ обязанъ* сдѣлать это. Не потому онъ отвергъ примать, что тотъ казался ему тягостнымъ и подрывалъ его личное положеніе, а потому, что онъ противорѣчилъ интересамъ восточной, даже шире,—вселенской церкви. Никакой инициативы отъ него здѣсь не шло, и никто не можетъ утверждать, что патріархъ руководился первымъ пунктомъ системы восточнаго папизма.

То-же, въ сущности, придется сказать и о пунктѣ второмъ. Если-бы Фотій составилъ себѣ планъ и шелъ къ сознательному его осуществленію, ему не было нужды ставить его исполненіе въ зависимость отъ случайныхъ событій. Онъ хотѣлъ совсѣмъ устранить папу изъ патріаршей пентады? Тогда онъ и долженъ былъ самъ, по личной инициативѣ, искать къ тому средствъ,—т. е. выискать у латинской церкви ея уклоненія отъ вселенской догмы и строя и выступить съ энцикликой вполне самостоятельно, *motu proprio*. Ничего такого онъ не сдѣлалъ. Между тѣмъ, не могъ-же онъ предвидѣть, что Борисъ отвернется отъ византійской церкви и обратится къ Николаю, что латинскіе миссіонеры отвергнутъ обряды восточной церкви и введутъ въ Болгаріи свои заблужденія. Личная инициатива Фотія здѣсь рѣшительно отсутствуетъ. Скажутъ, что онъ все-же воспользовался представившимся ему удобнымъ случаемъ. Это вѣрно; но не вполне. Нужно сказать не „воспользовался“, а „вынужденъ

¹⁾ Имѣются въ виду правила 3, 4 и 5.

былъ воспользоваться“,—такъ какъ ему опять приходилось защищать не только себя и свое духовенство, а и всю восточную церковь.

Если въ предполагаемой борьбѣ за примать Фотіи могъ опираться на существовавшую въ Византіи теорію перенесенія привилегій съ Рима на К-поль, то не нужно преувеличивать ни значенія этой теоріи, ни близости къ ней Фотіи. Остановимся на ней нѣсколько подробнѣе въ виду того, что ее особенно подчеркиваютъ идейные противники Фотіи (*Leo Allatius, Jager, Hergenröther*). По мнѣнію Гергенрөтера ¹⁾, Фотіи помимо личныхъ мотивовъ, коренившихся въ его высокомъ мнѣніи о своихъ достоинствахъ, имѣлъ и нѣкоторыя церковно-историческія основанія добиваться примата. Эти основанія сводились къ тому, что к-польская кафедра всѣми, не исключая Рима, давно признана патріаршей и, въ качествѣ таковой, имѣла право на названіе апостольской, какъ и самый К-поль еще Іоанномъ Златоустомъ назывался городомъ апостоловъ ²⁾. Если западные постоянно ссылались на то, что въ Римѣ жилъ и епископствовалъ ап. Петръ, и что тамъ покоятся остатки верховныхъ апостоловъ, то К-поль могъ указывать на мощи ап. Андрея, хранившіяся въ немъ, и ссылаться на давно извѣстное здѣсь сказаніе о проповѣди въ Византіи этого апостола, *Первозваннаго*, называвшагося въ церковной литературѣ „Петромъ до Петра“, *ὁ πρὸ Πέτρον Πέτρος* ³⁾. Все это подготовляло и въ нѣкоторой степени обосновывало для византійцевъ теорію перенесенія. Последняя могла возникнуть тѣмъ легче, что на востокѣ уже давно упрочился принципъ, въ силу котораго достоинство епископскихъ кафедръ ставилось въ связь съ государственнымъ положеніемъ городовъ. Естественнымъ выводомъ изъ этого принципа была мысль, что, если папа обязанъ своимъ первенствомъ столичному значенію Рима, то и права епископа Новаго Рима могутъ и должны быть возвышены въ соотвѣтствіи съ политическимъ значеніемъ К-поля. Раньше К-поль довольствовался вторымъ мѣстомъ; теперь онъ хочетъ пер-

¹⁾ *J. Hergenröther. Photius, Patriarch von Constantinopel. Regensburg 1867* B. I, S. 659.

²⁾ *Hergenröther. I, 659 Anm. 82. Migne P. G. LVI, 264.*

³⁾ Напр., въ похвальномъ словѣ Исихія Іерусалимскаго ап. Андрею, у Фотія въ Библиотекѣ (cod. 269). *P. G. CIV, 197.*

ваго. Теорія перенесенія примата вполне соответствовала духу Византіи, ея традиціонной политикѣ и положенію вещей, какъ оно понималось греками ¹⁾. Какъ разъ при Фотіѣ эта теорія и обнаруживается съ ясностью. Гергенрёттеръ думаетъ, что уже въ письмѣ имп. Михаила III въ Римъ отъ 865 г. замѣтны ея слѣды ²⁾. Съ полною отчетливостью изложена она въ письмѣ соимператоровъ Михаила III и Василя Македонянина къ болгарскому князю Борису, посланномъ въ началѣ 867 г., послѣ изгнанія изъ Болгаріи греческаго духовенства латинскими миссіонерами. Какъ извѣстно, папа Николай въ своемъ посланіи отъ 23 октября 867 г. къ Гинкмару и западному епископату, излагая отчасти содержаніе письма византійскихъ императоровъ, переданное ему Борисомъ, жаловался: „не удивительно, что греки притязаютъ обвинять латинскую церковь (т. е. въ неправильностяхъ), если они даже похваляются и утверждаютъ, что когда императоры переселились изъ Рима въ К-поль, тогда и примать римской кафедры перешель къ к-польской церкви и вмѣстѣ съ царскимъ достоинствомъ перенесены были также и привилегіи римской церкви,—такъ что насильникъ этой (к-польской) церкви Фотій и самъ въ своихъ письмахъ называетъ себя архіепископомъ и вселенскимъ патриархомъ“ ³⁾. Гергенрёттеръ думаетъ, что эти слова заключались именно въ императорскомъ письмѣ, и что самое письмо было даже составлено Фотіемъ,—а потому вполне вѣроятно, что и Фотій раздѣлялъ теорію перенесенія. Во всякомъ случаѣ, въ другихъ мѣстахъ у него встрѣчается мысль о томъ, что Новый Римъ получилъ удѣлъ (*κληρον*) стараго ⁴⁾, что Византія есть

¹⁾ *Hergenröther* I, 658. Cf. L'abbé *Jager*. Histoire de Photius, patriarche de Constantinople, auteur du schisme des Grecs. Paris 1854 p. 431. Cf. *Leo Allatius*, De ecclesiae occidentalis atque orientalis perpetua consensione. Coloniae Agripp. 1684. Lib. II, cap. 3, n. 3—4.

²⁾ *Mansi* XV, 204 E. Cf. 189 B.

³⁾ Sed quid mirum si hoc isti praetendunt, cum etiam gloriantur atque perhibeant, quando de Romana urbe imperatores Constantinopolim sunt translati, tunc et primatum Romanae sedis ad Constantinopolitanam ecclesiam transmigrasse, et cum dignitatibus regni etiam ecclesiae Romanae privilegia translata fuisse? Ita ut ejusdem invasor ecclesiae Photius etiam ipse se in scriptis suis archiepiscopum atque universalem patriarcham appellet. *Mansi* XV, 358 D.

⁴⁾ *Amphiloch*. qu. 134 cap. 2 (P. G. CI, 737).

Новый Иерусалимъ ¹⁾. Возможно, что онъ даже писалъ на животрепещущую тему о перенесеніи примата цѣлыя сочиненія, и что именно ему принадлежитъ небольшая статья, озаглавливаемая „Противъ тѣхъ, кто говоритъ, что Римъ есть первая кафедра“ *Πρὸς τοὺς λέγοντας ὡς ἡ Ρώμη πρώτη θρόνος* ²⁾. Гергенрётгеръ не останавливается на этомъ. По его мнѣнію, Фотій склоненъ былъ даже думать, что онъ призванъ быть *верховнымъ законодателемъ* и судьей церкви ³⁾. Поэтому-то онъ и потребовалъ отъ легатовъ папы (Льва, Доната и Марина, шедшихъ въ концѣ 866 или въ началѣ 867 г. чрезъ болгарскую границу) подписать вѣроисповѣдную формулу, рассчитывая, что если подпись будетъ дана, этимъ будетъ признаванъ и его приматъ; если-же въ подписи откажутъ, латинянь можно объявить еретиками. Такая-же дилемма имѣла значеніе и для всей римской церкви: или она признаетъ притязанія Фотія, или ее объявятъ еретической и тѣмъ отнимутъ ея верховный авторитетъ. Къ той-же цѣли присвоить себѣ приматъ клонился и судъ Фотія надъ папой и его заявленія о чистотѣ и неповрежденности восточной вѣры.

Таковы соображенія и доводы Гергенрётгера. Разберемся въ нихъ.

Нѣтъ нужды отрицать, что почва для теоріи перенесенія примата въ Византію была подготовлена. Правда, патриаршее положеніе константинопольской кафедры и ея титулъ „апостольская“ сами по себѣ значили еще немного, такъ какъ ни это положеніе, ни титулъ не выдвигали Константинополя изъ ряда прочихъ патриаршихъ кафедръ, а только ставили съ ними въ одну линію. Несомнѣнно и то, что проповѣдь въ Византію ап. Андрея Первозваннаго, какъ и пребываніе

¹⁾ Письмо Фотія къ Захаріи, католикосу Великой Арменіи. *Фотія свят. архіеп. н-польскаго*, о Гробѣ Господа нашего Иисуса Христа и другія мнѣнія его творенія, на греч. и армян. языкахъ, изданныя А. И. Пападопуло-Кералевсомъ и переведенныя Г. С. Дестунисомъ и Н. Марромъ. *Православ. Палест. Сборникъ*, 31-й вып. С.П.Б. 1892, стр. 232 (Р. Г. СІІ, 706).

²⁾ *Φωτίου τοῦ σοφωτάτου καὶ ἁγιωτάτου πατριάρχου Κ-πόλεως ἐπιστολαὶ ὑπὸ Ἰωάννου Βαλέττα. Ἐν Λονδίῳ* 1864. Σελ. 567. Небольшія поправки у Hergenröther'a В. III, S. 172, Anm. 6.

³⁾ Er fühlte sich zum obersten Gesetzgeber und Richter in der Kirche berufen. В. I, S. 658.

въ К-полѣ его мощей, подчеркивались византіяцами опять-таки лишь въ противовѣсъ горделивымъ ссылкамъ латинянь на присутствіе въ Римѣ верховнаго ап. Петра, и подчеркивались съ цѣлью умѣрить эту гордость, но безъ всякихъ притязаній на примать. Это намъ показываютъ самыя недавнія ссылки на ап. Андрея и даже на ап. Іоанна, какъ основателей и покровителей византіяской церкви, сдѣланныя патр. Игнатіемъ на 1 засѣданіи собора 861 г. въ храмѣ Апостоловъ¹⁾. Гораздо большее значеніе для появленія разбираемой теоріи имѣлъ принципъ соотвѣтствія каедръ съ политическимъ положеніемъ городовъ. Что изъ этого принципа не трудно сдѣлать выводъ о перенесеніи, это ясно. И нужно замѣтить, что этотъ выводъ сдѣланъ былъ уже давно, не во время Фотія, какъ это можно-бы заключить изъ соображеній Гергенрѣтера и какъ это, очевидно, за Гергенрѣтеромъ, думалъ проф. Н. Суворовъ²⁾, а значительно раньше,—можетъ быть, еще до иконоборческой эпохи или, по крайней мѣрѣ, въ самомъ ея началѣ. Еще Питра издалъ одну схолію къ 28 халкид. правилу, гдѣ изъ этого правила сдѣланъ выводъ въ смыслѣ теоріи перенесенія примата³⁾. По мысли схоліи, если второй вселенскій соборъ отдалъ Риму, какъ старшей столицѣ, преимущество чести предъ К-полемъ, то послѣ паденія Западной римской имперіи, когда только одинъ К-поль остался „царствующимъ градомъ“, къ нему по необходимости перешли всѣ преимущества стараго Рима. Позднѣе проф. А. С. Павловъ обнародовалъ небольшую анонимную греческую статью о преимуществахъ к-польскаго патріаршаго престола—*Περὶ προνομῶν τοῦ ἀγιοπύλου θρόνου Κωνσταντινου πόλεως*, гдѣ мы встрѣчаемъ ту-же самую схолію⁴⁾. Такъ какъ

1) *Deusdedit presbyteri cardinalis tituli Apostolorum in Eudoxia collectio canonum e codice Vaticano edita a Pio Martinucci*. Venetis 1869 p. 506.

2) *Н. Суворовъ*. Византіяскій папа. Москва 1902, стр. 133.

3) *J. B. Pitra*, *Juris ecclesiastici graecorum historia et monumenta*. Romae 1868 Tom. II p. 646—647. Схолія гласитъ: *Δεῖ εἶδέναι ὡς διὰ τοῦτο δευτέραν τὴν Κωνσταντινοῦπολιν ἐκκλησίαν ὠνόμασε, ἐπειδὴ τότε ἡ πρεσβύτερα ἐβασίλευε Ῥώμῃ σὺν τῷ τῷ τῷ, κατὰ φύσιν ἢ ἐγὼ αὐτῆς συνέδος, διὰ τὸ βασιλεύειν τὴν πρεσβύτεραν Ῥώμην οἱ πατέρες ἐκεῖνοι τὰ πρεσβεῖα δεδόξασι, μόνως τῶν ἐδόξα Θεοῦ ταύτης τῆς Θεοφυλάκτου πόλεως βασιλευούσης. ἐκόντως αὐτῆς τῶν πρεσβύτεραν κέκτηται.*

4) *А. Павловъ*. Сборникъ неизданныхъ памятниковъ византіяскаго церковнаго права. СПб. 1898, стр. 116 и дал. См. стр. 122—123.

памятникъ приуроченъ издателемъ къ доиконоборческой эпохѣ, то и схолія, а слѣдовательно, и вообще теорія перенесенія должна быть отнесена по своему происхожденію къ этому или даже болѣе раннему времени ¹⁾. А если такъ, то Фотій никоимъ образомъ не можетъ считаться творцомъ теоріи. Даже не ясно, ссылался-ли на нее самъ Фотій. Гергенрёттеру хочется навязать ему это. Онъ пытается найти слѣды теоріи въ письмѣ Михаила III къ папѣ Николаю отъ 865 г., предполагая, что и самое письмо составлено при участіи патріарха. Но мы отказываемся видѣть въ письмѣ искомые слѣды. Выразительное, но случайно брошенное Николаемъ сравненіе привилегій римской каѳедры съ мощнымъ деревомъ, которое насадилъ и возрастилъ самъ Богъ, которое можно толкнуть, но не сдвинуть ²⁾, нельзя разсматривать, какъ указаніе на теорію перенесенія, какъ это дѣлаетъ Гергенрёттеръ и въ чемъ ему повѣрилъ проф. А. С. Павловъ ³⁾. Если-бы Николай вычиталъ у императора такую теорію, то онъ не пожалѣлъ-бы труда разобрать и оцѣнить ее обстоятельнѣйшимъ образомъ; и уже во всякомъ случаѣ возмутился-бы ею до глубины души, какъ это было у него въ 867 г. Ничего такого у Николая мы не видимъ. Иное было въ 867 г. Тогда греки такую теорію, несомнѣнно, высказали. Но во 1-хъ, не доказано, что мысль о перенесеніи примата заключалась именно въ письмѣ императоровъ, а не въ сопровождавшихъ его полемическихъ сочиненіяхъ грековъ, такъ какъ Николай спутано передаетъ содержаніе тѣхъ и

¹⁾ Возможно, что самая статья появилась въ первыя пять-шесть лѣтъ иконоборчества (считая съ 726 г. до момента присоединенія Иллирика между 730—733 годами). Левъ Исавръ, разсерженный сопротивленіемъ Рима своей иконоборческой политикѣ, могъ покровительствовать враждебнымъ Риму и папству идеямъ и выдвигать мысль о преимуществахъ К-поля. Если церковь отвергала его религиозные взгляды, то это обстоятельство не помѣшало-бы распространенію въ Византіи его противоримскихъ идей, какъ не помѣшало оно к-польскимъ патріархамъ удержатъ за собою отнятый имъ у папъ ессалоникскій экархатъ.

²⁾ *Privilegia, inquam, istius sedis vel ecclesiae perpetua sunt; divinitus radicata atque plantata sunt; impigni possunt, transferri non possunt; trahi possunt, evelli non possunt* (*Mansi XV, 204 E. Cf. ep. Nicolai ad Hermintrudem, Mansi XV, 309 D—E. P. L. CXIX, 863*).

³⁾ *А. Павловъ*. Сборникъ неизд. памятниковъ визант. церковнаго права. СПб. 1898, стр. 65. Также *Визант. Временникъ* 1896 (III) 32.

другихъ ¹⁾. Во 2-хъ, если-бы искомая теорія содержалась въ императорскомъ письмѣ, то ни откуда не слѣдовало-бы, что письмо составлено Фотіемъ; и въ 3-хъ, самая формулировка теоріи, какъ ее сообщаетъ намъ Николай, своею неточностью и неудачнымъ построениемъ говорить скорѣе за то, что она не принадлежитъ Фотію: въ Византіи не могли говорить, что примать перешелъ въ К-поль при Константинѣ Великомъ, такъ какъ первенство чести всѣми признавалось за папой и гораздо позднѣе, — собственно, фактически до послѣдняго времени; но тамъ могли утверждать, что, если примать Рима созданъ столичнымъ значеніемъ города, то теперь, съ потерей имъ такого положенія, первенство должно перейти къ К-полю, политическое и церковное значеніе котораго, основанное при Константинѣ, въ настоящее время окончательно перевѣсило значеніе Рима.

Что Фотій имѣлъ высокій взглядъ на Византію и называлъ ее Новымъ Іерусалимомъ, то этотъ его взглядъ настолько-же понятенъ, насколько и справедливъ ²⁾. Но здѣсь нѣтъ притязаній на примать. А его слова, что Новый Римъ получилъ удѣлъ стараго, по справкѣ оказываются относящимися не къ христіанскому Риму, а языческому ³⁾, и слѣ-

¹⁾ Цитованное выше мѣсто изъ письма къ Гинкмару Николай предвѣщаетъ замѣчаемъ, изъ котораго видно, что папа дальше имѣетъ въ виду не только мысли императоровъ, но и ихъ помощниковъ, *graecorum principes eorumque satellites* (*Mansi XV, 358 B*). Поэтому нельзя точно сказать, кому принадлежитъ фраза о приматѣ. Даже болѣе: допустимо, что она не принадлежитъ ни императорскому письму, ни сопровождавшимъ его полемическимъ сочиненіямъ, такъ какъ нѣсколько выше, излагая содержащіеся въ этихъ документахъ полемическіе пункты, Николай не упоминаетъ ни о какой теоріи перенесенія (*Mansi XV, 357 B—C*). Но тамъ-же Николай, непосредственно за перечисленіемъ пунктовъ и предъ ироническимъ упоминаніемъ о к-польскомъ патріархѣ, котораго греки называютъ вселенскимъ, съ большимъ огорченіемъ жалуется на то, что у его легатовъ византіяцы осмѣлились требовать подписи вѣроисповѣдной формулы. Не была-ли сказана фраза о перенесеніи примата при объясненіи пограничныхъ чиновниковъ съ легатами?

²⁾ Фотій высказывалъ его неоднократно, напр. въ бесѣдахъ на зашесть руссовъ, въ письмѣ къ католику Захаріи, въ Окружномъ посланіи.

³⁾ Въ указываемомъ мѣстѣ рѣчь идетъ о томъ, что съ переходомъ власти отъ древняго языческаго Рима къ новому, христіанскому, языческіе обычаи были замѣнены христіанскими. Нѣтъ даже намекъ на противоположеніе К-поля и Рима христіанскаго, а тѣмъ болѣе папскаго.—Толкова-

довательно, К-поль вовсе не противопоставляется Риму христіанскому, а тѣмъ болѣе папскому.

Остается сдѣлать краткій анализъ статьи „Противъ говорящихъ, что Римъ есть первая кафедра“, чтобы видѣть, насколько повиненъ Фотій въ теоріи перенесенія.

Прежде всего, самая принадлежность статьи Фотію спорна. Первый издатель Беверегій издалъ ее въ качествѣ письма Льва Охридскаго ¹⁾. Позднѣе ее приписали Фотію ²⁾, хотя лишь нѣкоторыя рукописи называютъ ея авторомъ нашего патріарха. Авторство Фотія иногда рѣшительно отвергаютъ ³⁾. Но если даже его допустить, то все-же нельзя согласиться, чтобы статья вышла изъ-подъ пера Фотія въ своемъ настоящемъ видѣ. Самый составъ сочиненія не вполне устойчивъ. Три послѣднихъ параграфа не принадлежатъ къ нему ⁴⁾, а если имѣть въ виду заглавіе статьи, то можно думать, что она была еще короче, такъ какъ еще семь пунктовъ въ ея концѣ не имѣютъ къ темѣ прямого отношенія, примыкая къ другому сочиненію Фотія ⁵⁾. Наконецъ, самый важный пунктъ статьи, какъ увидимъ ниже, подвергся порчѣ, а между тѣмъ отъ этого пункта зависитъ весь ея смыслъ.

ніе Гергенрѣтера принялъ на вѣру *Вл. Сокольскій*. О характерѣ и значеніи Эпанагоги. *Визант. Временникъ* 1894 (I) 38.

¹⁾ *Beveregii, Synodicon sive Pandectae canonum ecclesiae graecae. Oxonii 1672. В. II, въ отдѣлѣ Alexii Aristini epistolarum, quae dicuntur canonicae synopsis.*—Перевздано *Ῥάλλη καὶ Πότλη. Σύναγμα τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων. Ἀθήνησιν. 1854 Τομ. 4, σελ 409--415. Βαλέττα, Φωτίου... ἐπιστολαί, σελ. 567—571.*

²⁾ Франпискъ Фонтана (въ *Novae deliciae eruditorum. Florentia 1785*) на основаніи ватиканск. рукоп. 829 и 1150. Подтверждая догадку объ авторствѣ Фотія, Валетта, помимо рукописной традиціи, отмѣчаетъ и строеніе рѣчи, указывающее на Фотія: *καὶ αὐτὸ τοῦ λόγου τὸ ἔφος, τῷ Φωτίου μάλιστα εἰσὸς, καὶ πανταχοῦ τὴν ἀριστογραφίαν ἐκείνου δεξιᾶν μεταφανῆ ποιούμενον* (сел. 567, σημ. 2). Впрочемъ, Валетта предоставляет рѣшать вопросъ другимъ.

³⁾ *Θ. Кургановъ*. Къ изслѣдованію о патріархѣ Фотіѣ. *Христ. Ученіе* 1895, I, 198.

⁴⁾ Это видно изъ самаго нхъ содержанія, какъ и по нѣкоторымъ рукописямъ. *Hergerrother*, III, 172.

⁵⁾ *Συναγωγή καὶ ἐποδείξεις. Βαλέττα σελ. 558—568. Ρ. G. CIV, 1219—1232.* Сочиненіе написано во второе правленіе Фотія.—Статья о приматѣ Рима должна была-бы заканчиваться словами: *ἐκαστος γὰρ οἰκίῳ θεόνῳ τῶν ἄλλων ἰσὶν ἐπικρατέστωρ.*

Въ сочиненіи двѣ главныхъ мысли: во 1-хъ, первенство Рима основано не на служеніи ап. Петра, а на политическомъ значеніи города; во 2-хъ, права К-поля возрастали въ силу такого-же т. е. политическаго значенія его.

Первая мысль раскрыта въ рядѣ слѣдующихъ тезисовъ.

Если Римъ считается первымъ потому, что получилъ въ епископы верховнаго апостола (коринѳея) Петра, то первенство должно принадлежать скорѣе Антиохіи, гдѣ Петръ былъ епископомъ раньше Рима; или Іерусалиму, ради Іакова, брата Господня, перваго епископа. Если первенство престола зависитъ отъ достоинства лицъ, то первымъ будетъ Іерусалимъ, гдѣ принесъ себя въ жертву за спасеніе міра Господи и Петра и всѣхъ насъ, Первый и Великій Архіерей, основатель архіерейскаго чина. Римъ ищетъ первенства изъ-за коринѳея апостоловъ; но въ такомъ случаѣ первенство принадлежитъ Византіи ради Андрея, первозваннаго и старшаго по рожденію, который немало лѣтъ епископствовалъ здѣсь, въ Византіи, прежде чѣмъ его братъ сталъ епископомъ Рима ¹⁾. Слова: „ты еси Петръ, и на камиѣ семъ созижду церковь мою“ и т. д. сказаны не о римской церкви. Было-бы іудействомъ ограничивать дѣйствіе благодати однимъ мѣстомъ, а не распространять ее на всю вселенную. „Камень“—это не римская церковь, а исповѣданіе Христа; слова Христа относятся ко всей церкви, единой, вселенской и апостольской, а не петровой или римской. Не отъ Петра, а отъ языческаго императора Авреліана получилъ Римъ свой примать, когда этотъ императоръ приказалъ передать споръ антиохійскихъ православныхъ съ Павломъ Самосатскимъ на рѣшеніе римскаго епископа. Отсюда и утвердилось у нѣкоторыхъ мнѣніе, что Римъ владѣетъ первенствомъ, и архіерейство выдвигается на тиранію всѣмъ. Среди истинныхъ послѣдователей Христа не можетъ быть борьбы за первенство; иначе—что дѣлать съ словами: „кто хочетъ быть среди васъ первымъ, да будетъ вамъ слуга“.

¹⁾ Если выше отвергнута мысль, что положеніе кафедръ стоитъ въ связи съ достоинствомъ ихъ основателей, то ясно, что авторъ статьи отказывается обосновывать преимущества К-поля на сказаніи объ ап. Андрѣѣ. Поэтому Гергенрөтеръ не долженъ былъ въ одно и то-же время приписывать статью Фотію и утверждать, что Фотій опирался на сказаніе объ Андрѣѣ. *Hergenröther* I, 661.

Вторая мысль раскрыта въ каноническихъ и историческихъ справкахъ.

Первый вселенскій соборъ постановилъ, чтобы епископы, храня права своей области, не нарушали правъ чужихъ епархій. Второй, признавъ, что Римъ получилъ первенство какъ столица, на томъ-же основаніи далъ и К-полю такія-же, послѣ Рима, преимущества. Далѣе слѣдуетъ самое важное, но испорченное мѣсто: *четвертый соборъ предпочитаетъ вѣсть К-поль (ή δὲ τετάρτη προορίσει πᾶσι τῆν Κωνσταντινουπόλιν), не допустивъ Вигилію председательствовать, откуда произошли безчестія противъ Мины, и Вигилій понесъ наказаніе.* Сокращая изложеніе статьи, отмѣтимъ только, что дальше слѣдуетъ, во 1-хъ, сообщеніе о прѣзжавшихъ въ К-поль папахъ; во 2-хъ, рядъ соображеній противъ общеобязательности постановленій Сардикійскаго собора о правѣ римской кафедры принимать апелляціи изъ другихъ областей ¹⁾; въ 3-хъ, повторяется ссылка на постановленіе I вселенскаго собора ²⁾ о ненарушеніи епископами правъ чужихъ областей, и въ 4-хъ, даются историческія справки, изъ которыхъ видна ограниченность и безсиліе папской власти. Напр., иногда папы не признавали нѣкоторыхъ епископовъ ³⁾, но это непризваніе осталось недѣйствительнымъ. Иногда, наоборотъ, папы хотѣли помочь гонимымъ епископамъ, но были безсильны сдѣлать что-либо. Папа Иннокентій не могъ вернуть Іоанну Златоусту епископство, а Атикъ, патріархъ к-польскій, сдѣлалъ это, внеся въ диптихи его имя: „ибо, замѣчаетъ статья,

1) 1. Это постановленіе, какъ принятое помѣстнымъ соборомъ, отмѣнено, по мнѣнію автора статьи, IV вселенскимъ соборомъ, давшимъ такое право апелляцій К-полю. 2. Предсѣдатель собора Осія Кордубскій впоследствии подписался подъ аріанскимъ исповѣданіемъ и осужденіемъ Аванасія, отказавшись такимъ образомъ отъ своихъ сардикійскихъ мнѣній; съ другой стороны, какъ сторонникъ Рима, оказалъ въ пользу папы чрезвычайное рвеніе, при чемъ помѣстный соборъ позволилъ себѣ отмѣнить канонъ даже вселенскаго собора (т. е. пернаго). 3. На соборѣ оправданъ былъ еретикъ Маркелъ и другіе, впоследствии осужденные церковью. 4. Соборъ раздѣлился на двѣ враждебныхъ партій, изъ которыхъ одна собралась въ Филиппополѣ, и партіи анаематствовали одна другую. 5. Сардикійскій соборъ не былъ впоследствии признанъ.

2) Постановленіе повторено, по заявленію статьи, соборомъ въ Венеціалахъ (ἐν Βενεθάλοις). Ни мѣстность, ни соборъ не извѣстны.

3) Напр. Флавіана Антиохійскаго, Евсеімія, Македонія.

каждый на своей кафедре сильнее прочих“ (*ἕκαστος γὰρ οἴκεινθ' ἑαυτῷ τῶν ἄλλων ἔστι ἐπικρατέστερος*). Этимъ кончается основная часть статьи, отвѣчающая ей темъ ¹⁾. Итакъ, отвергая притязанія Рима на примать, основанныя на специальныхъ обѣтованіяхъ Петру и достоинствѣ его личности, статья отмѣчаетъ постепенное возвышеніе правъ К-поля, и заканчивается утвержденіемъ, что каждый патріархъ не долженъ посягать на права прочихъ, но въ предѣлахъ собственной патріархіи онъ полномоченъ.

Теперь остановимся на томъ отдѣлѣ записки, который какъ-будто устанавливаетъ церковное первенство К-поля, ссылкой (ложной) на четвертый, а въ сущности, на пятый вселенскій соборъ. Что мѣсто *ἡ δὲ τετάρτη προκρίνει πᾶσι τῆν Κωνσταντινοπόλιν* и далѣе испорчено, это, конечно, ясно: Вигилій былъ въ К-полѣ во время пятого, а не четвертаго собора; онъ уклонился отъ собора вовсе не потому, что ему отказывали въ предсѣдательствѣ, а по другимъ причинамъ ²⁾; соборъ былъ созванъ не патріархомъ Миною, а его преемникомъ (съ 552 г.) Евтихіемъ. Испорченное мѣсто Гергенрѣтеръ пробовалъ исправить. Принимая во вниманіе, что Халкидонскій соборъ не могъ быть опущенъ, какъ очень важный въ исторіи преимущество к-польской кафедры, католическій ученый исправилъ текстъ записки, вставляя послѣ слова „четвертый“ еще слова: „утвердилъ это; пятый“ и т. д.

¹⁾ Далѣе перечисляются, къ темъ не относящіяся, случаи, когда, во 1-хъ, патріархи низлагали своихъ предшественниковъ (Нектарій—Максима, Мина—Анеима, Анатолій—Диоскора); во 2-хъ, низложенные признавались за епископовъ (Максимъ, Кириллъ Іерусалимскій); 3, иногда и низложенный, и поставленный вмѣсто него сохраняли честь епископскую (Евстрафій и поставленный вмѣсто него Мелетій Антиохійскій. Илія Іерусалимскій и Іоаннъ (III), Евфимій и Македоній, Евтихій и Іоаннъ); иногда изгнанный, кафедра котораго замѣщалась, занималъ ее снова по смерти замѣстителя (Анастасій Антиохійскій—послѣ Григорія, вторично). Эти примѣры имѣютъ въ виду распрю Игнатія и Фотія и могли быть подобраны Фотіемъ въ оправданіе складывавшихся въ свое время между нимъ и Игнатіемъ отношеній, конечно, уже во второе его правленіе. Эта часть записки, какъ замѣчено выше, стоитъ въ связи съ другимъ сочиненіемъ Фотія—*Συναγωγή καὶ ἀποδείξεις*.

²⁾ На соборѣ предсѣдательствовалъ к-польскій патріархъ Евтихій; но поздѣе Вигилій все-же соборъ призналъ *J. Langen, Geschichte der römischen Kirche von Leo I. bis Nicalaus I. Bonn 1885. S. 383.*

Этимъ устраняется одна несообразность, но остаются другія, а въ слѣдующемъ затѣмъ абзацѣ къ указаннымъ выше несообразностямъ присоединяется нѣсколько новыхъ ¹⁾. Гергенрётёръ думаетъ, что эти несообразности не могутъ доказывать, чтобы сочиненіе не принадлежало Фотію, такъ какъ у Фотія и въ другихъ мѣстахъ встрѣчаются ошибки ²⁾. Допускаемая возможность ошибокъ, нельзя однако не указать, что именно объ отношеніяхъ Вигилія къ пятому собору Фотій былъ хорошо освѣдомленъ, какъ это видно изъ его посланія къ болгарскому князю Борису ³⁾, и не могъ написать, что на соборѣ были раздоры именно изъ-за предсѣдательства. Это даетъ право думать, что разбираемое мѣсто, въ его на-

1) Тамъ говорится, что приходившій въ К-поль раньше Вигилія, *при Юстиніанѣ* (на самомъ дѣлѣ, при Юстинѣ, въ 525 г.), папа Іоаннъ (Іоаннъ I, 523—526 г.г., который, очевидно, смѣшанъ здѣсь съ Іоанномъ II, 532—535 г.г.) не заявлялъ притязаній на первенство и даже стоялъ за богослуженіемъ *по лѣвую сторону* патр. Епифанія (дѣло было, можно сказать, наоборотъ. *Langen*, 300); а раньше Іоанна былъ въ К-поль Агапетъ (Агапетъ I, 535—536 г.г., преемникъ Іоанна II, былъ, конечно, не раньше, а послѣ Іоанна I).

2) Въ качествѣ примѣровъ Гергенрётёръ указываетъ, что Фотій въ письмѣ къ Михаилу Болгарскому считаетъ первый вселенскій соборъ (325 г.) состоявшимся при папахъ Сильвестрѣ (314—335) и Юліѣ (337—352), а пятый (553 г.) при Мянѣ (536—552) и Евтихіѣ (552—565). Нужно замѣтить, что въ рассказѣ о пятомъ соборѣ Фотій даетъ ясно понять, что онъ объединяетъ въ одинъ два собора, вселенскій 553 года и помѣстный к-польскій 536 г.; почему вселенскій и названъ состоявшимся при двухъ патріархахъ,—не говоря уже о томъ, что Мина умеръ среди приготовленій къ собору. Можно думать, что и Юлія названъ при Сильвестрѣ какъ продолжатель его дѣла борьбы съ арианствомъ; въ сущности, понимать буквально выраженіе Фотія о Юліѣ невозможно, такъ какъ тогда ошибка, въ связи съ контекстомъ, была-бы слишкомъ ясна. Въ томъ-же сочиненіи *Πρός τοὺς Λέγοντας κ. τ. λ.* Гергенрётёръ указалъ еще ошибки (В. III, 172, Anm. 11); но Филиппы вмѣсто Филиппополя могло получиться по недосмотру переписчиковъ; а папа Целестинъ названъ третьимъ послѣ Зосимы (Зосима—Вонифацій I—Целестинъ I) по такому счету, въ сущности, неизвѣстнаго автора статьи, что первое мѣсто оставлено за Зосимой. Несомнѣнныя ошибки встрѣчаются въ посланіи Фотія къ католику Захарію; но посланіе сохранилось лишь въ армянскомъ переводѣ, степень точности и исправности котораго намъ неизвѣстна. При всемъ сказанномъ, вѣтъ нужды утверждать, что Фотій никогда не дѣлалъ ошибокъ. Ошибки возможны у всѣхъ, какъ онѣ встрѣчаются и у Гергенрётера.

3) *Valéttka* 212. P. G. III, 644.

стоящемъ видѣ, не принадлежитъ Фотію. Оно или редактировано кѣмъ-либо послѣ него, или неудачно вставлено замѣнъ того, что стояло у Фотія. А стоять у него должно было постановленіе Халкидонскаго собора и, можно думать, Трулльскаго, подтвердившаго халкидонскій канонъ (Трул. 36 пр.). Что настоящій отдѣлъ о пятомъ соборѣ не умѣстенъ въ нашей статьѣ, можно видѣть и изъ другихъ соображеній. Въ своемъ теперешнемъ видѣ отдѣлъ имѣетъ довольно прозрачную тенденцію возвысить права К-поля, поставивъ его выше даже Рима (*προχωρει πασι την Κων-πόλιν*). Между тѣмъ нѣсколькими строками выше авторъ самъ призналъ неумѣстными споры о первенствѣ, а ниже подчеркиваетъ мысль, что права каждой патріархіи ограничиваются ея предѣлами, но въ этихъ предѣлахъ власть собственнаго патріарха *выше власти другихъ патріарховъ* ¹⁾. Въ такомъ случаѣ, или спорное мѣсто вовсе не принадлежитъ сочиненію, или же оно не содержитъ того смысла, что К-поль имѣетъ право на первенство. Ясно, во всякомъ случаѣ, то, что статья, если-бы даже она вышла изъ-подъ пера Фотія, не стремилась узурпировать примасть въ пользу К-поля, а выставляя принципъ полновластности каждаго патріарха въ своей области, имѣла цѣлью лишь ввести въ должныя рамки притязанія Рима на верховенство. Авторъ статьи нигдѣ не настаиваетъ на томъ, что именно К-поль долженъ первенствовать. Онъ лишь неуклонно отвергаетъ аргументы, обычно приводимые въ защиту римскаго примата, показывая, что, если принять положенный въ основу аргументаціи принципъ, то первенство придется признать за какимъ-нибудь другимъ городомъ—Антіохіей, Іерусалимомъ, даже К-полемъ, только не за Римомъ. Правда, въ статьѣ ясно выдвигается другой принципъ—зависимости достоинства кафедры отъ политическаго значенія городовъ; но, во 1-хъ, этотъ принципъ, какъ извѣстно, не новъ: онъ провозглашенъ еще II всел. соборомъ (пр. 3), повторенъ IV (пр. 28) и Трулльскимъ (пр. 36); во 2-хъ, отмѣчая возвышеніе к-польскаго патріарха, какъ епископа столицы, наша

¹⁾ Въ свѣтъ этихъ основныхъ идей статьи нужно понимать и случайное замѣчаніе ея, что IV всел. соборъ передалъ К-полю право апелляцій. Никакихъ выводовъ изъ замѣчанія не дѣлается. Оно просто противопоставлено притязаніямъ Рима на право апелляцій.

статья, въ сущности, ограничивается ссылками на правила вселенскихъ соборовъ, не привнося къ нимъ ничего новаго. Ослабивъ притязанія Рима на первенство и подчеркнувъ права К-поля, статья удержалась однако отъ вывода, что К-поль—первая кафедра, и осталась при древне-церковномъ воззрѣнн о полновластности каждаго патріарха въ своей области.

Что касается притязаній к-польскаго патріарха на супрематію, то ихъ не только нѣтъ въ разобранномъ сочиненіи, но самая возможность существованія супрематіи вообще устранена, во 1-хъ, раскрытіемъ той мысли, что привилегіи кафедръ стоятъ въ зависимости отъ политическаго значенія городовъ, а не покоятся на специальныхъ полномочіяхъ божественнаго характера, и, во 2-хъ, ссылкой на принципъ полновластности каждаго патріарха въ своей области.

Сказанное даетъ право утверждать, что Фотій особой близости къ теоріи перенесенія примата не проявилъ и вообще сколько-нибудь ясныхъ притязаній на примать у него указать нельзя.

Что касается требованія Фотіемъ у легатовъ подписать вѣроисповѣдную формулу (на болгарской границѣ въ 867 г.), то здѣсь отнюдь не было такихъ притязаній: отъ легатовъ требовалось не признаніе примата, а во 1-хъ, обычныя рекомендацїонныя грамоты къ патріарху, и во 2-хъ, свидѣтельство о правотѣ вѣры, заподозрѣнной въ Византіи по поводу болгарской миссіи. Послѣднее требованіе вполне понятно, такъ какъ въ данный моментъ Византія была взволнована слухами о догматическихъ погрѣшностяхъ латинянъ, и за нимъ нѣтъ никакихъ основаній предполагать зація мысли о приматѣ ¹⁾. Не было такихъ мыслей и въ судѣ надъ Ни-

¹⁾ Генгергеръ, какъ-мы видѣли, приписываетъ Фотію такой расчетъ: или легаты подпишутъ формулу и тѣмъ признаютъ примать Фотія, или ихъ можно объявить еретиками; та-же самая дилемма имѣла значеніе и для исей римской церкви. Какъ извѣстно, легаты отъ подписи отказались, а римской церкви, дѣйствительно, было предъявлено, хотя и не непосредственно, обвиненіе въ ереси. Но если такъ, и если Гергенгеръ готовъ видѣть въ авторѣ статьи *Πρός Ἐβρυτιανὸν* г. г. 2 Фотія, то можно спросить: да почему-же въ такомъ случаѣ Фотій не высказалъ въ статьѣ своей задушевной мысли и не заявилъ прямо, что, въ виду несомнѣннаго еретичества Рима и папы, К-поль сталъ теперь первой кафедрой?

колаемъ: если-бы Фотій хотѣлъ демонстрировать свой примать, онъ долженъ былъ судить папу *единолично*, а не созывать соборъ всѣхъ восточныхъ патріарховъ.

Но допустимъ, что у Фотія возникла мысль о возможности естественнаго перехода первенства къ К-полю въ случаѣ уклоненія папъ къ ереси,—если только принять то, крайне сомнительное, предположеніе, что онъ могъ предвидѣть окончательное раздѣленіе церквей и сознательно къ нему стремиться. Все-же отъ мысли о первенствѣ К-поля до идеи верховенства въ церкви разстояніе огромно. А между тѣмъ Гергенрѣтеръ не задумывается приписать Фотію именно это стремленіе къ супрематіи, желаніе быть *верховнымъ законодателемъ* и судьей въ церкви. Такое подозрѣніе нужно отвергнуть съ полной рѣшительностью. Фотій не нашель-бы для подобныхъ притязаній ни одного аргумента. Если папы могли, основательно или неосновательно, обосновывать свои права на супрематію на словахъ Христа ап. Петру, то чѣмъ могъ подкрѣпить свою восточную супрематію Фотій? Ссылкой на теорію перенесенія? Но эта слишкомъ поздняя теорія могла въ лучшемъ случаѣ доказать право на первенство чести, но никоимъ образомъ не верховенство; послѣднее предполагаетъ высшія, спеціальныя полномочія чисто духовнаго характера и божественнаго происхожденія, какихъ не можетъ сообщить никому самое высокое политическое значеніе. Но и сказаніе объ ап. Андреѣ не могло противопоставить напистическимъ комментаріямъ на слова Христа ап. Петру ничего такого, откуда могло-бы вытекать право на верховенство. Что Фотій и не мечталъ о супрематіи, опять-таки ясно изъ того, что судъ надъ Николаемъ онъ не присвоилъ себѣ, а передалъ собору патріарховъ.

По второму пункту предполагаемой папистической программы Фотія нужно, слѣдовательно, признать, что, хотя примать К-поля намѣчался самъ собою, но Фотій не проявилъ никакой инициативы и не обнаружилъ никакихъ активныхъ стремленій овладѣть этимъ приматомъ, а тѣмъ болѣе былъ чуждъ поползновеній къ супрематіи.

Перейдемъ, наконецъ, къ третьему пункту программы. Здѣсь, повидимому, дѣло обстоитъ гораздо проще и яснѣе, и властолюбивыя поползновенія нашего патріарха какъ-будто несомнѣнны. Третій титулъ Эпанагоги увѣренно ставитъ к-поль-

скаго патріарха первымъ и даетъ ему, по отношенію къ прочимъ патріаршимъ областямъ, право апелляцій и право ставропигій. Что III титулъ Эпанагоги, какъ равно и II, принадлежитъ, какъ догадывался еще Zachariae von Lingenthal, перу Фотія, теперь можетъ считаться вполне обоснованнымъ ¹⁾, а потому и прикосновенность Фотія къ теоріи восточнаго папизма внѣ всякаго сомнѣнія. Эта прикосновенность была-бы тѣмъ понятнѣе и естественнѣе, что въ византійскомъ, свѣтскомъ и церковномъ, правѣ гораздо раньше Фотія намѣчались тенденціи превратить отношенія равенства восточныхъ патріарховъ съ к-польскимъ въ отношенія подчиненности ихъ к-польской каедрѣ.

Не входя въ подробности вопроса, мы напомнимъ лишь концепцію русскаго ученаго проф. Т. Барсова ²⁾, по которой положеніе к-польскаго патріарха возвышалось и его права росли именно въ указанномъ направленіи, т. е. стремясь если не къ поглощенію, то во всякомъ случаѣ къ ограниченію правъ восточныхъ каедръ. Указанная концепція представляетъ себѣ дѣло такъ. Примуущества к-польскаго епископа, какъ извѣстно, ведутъ начало отъ второго вселенскаго собора, который правиломъ 3 призналъ за епископомъ Новаго Рима, по чести, второе мѣсто за римскимъ. Но уже IV халкид. соборъ, 28 правиломъ въ связи съ 9 и 17, подчинилъ к-польскому патріарху всю восточную церковь. Это подчиненіе шло параллельно съ полнымъ уравниеніемъ к-польскаго патріарха въ правахъ съ папой въ 28 канонѣ, гдѣ въ выраженіи *δεύτερον μετ' ἐκλήτου* предлогъ *μετά* получилъ значеніе не въ обычно принимаемомъ юридическомъ смыслѣ, при которомъ онъ означалъ-бы приниженіе к-польскаго патріарха предъ папой, а въ историческомъ, когда онъ будетъ говорить лишь о томъ, что к-польская каедра получила *равныя* съ римской *права*, только получила *хронологически позднѣе*. Трулльскій соборъ идетъ еще дальше и, говоря въ 36 правилѣ о преимуществахъ римской и к-польской каедръ, учреждаетъ для вселенской церкви, такъ сказать, два

¹⁾ Вл. Соколовскій. О характерѣ и значеніи Эпанагоги. *Визант. Временникъ* 1894 (I) 34 и дал.

²⁾ Т. Барсовъ. Константинопольскій патріархъ и его власть надъ русскою церковью. СПб. 1878. Въ XVIII в. эти взгляды развивалъ Петръ Де-Марка.

самостоятельныхъ, другъ отъ друга независимыхъ центра высшей правительственной власти: Римъ для всего Запада и К-поль для всего Востока. Такое положеніе дѣлъ было окончательно закрѣплено на Фотіевомъ соборѣ 879 г., когда 1-мъ соборнымъ правиломъ папа Іоаннъ VIII и патріархъ Фотійъ полюбовно подѣлили церковь, предоставивъ папѣ Западъ, Фотію Востокъ. Упрочивая восточныя области подъ своей юрисдикціей, Фотійъ, въ Эпанагогѣ, и даетъ юридическую нормировку отношеній к-польскаго патріарха къ тремъ восточнымъ, присвоивъ себѣ первенство, право апелляцій и право ставропигій.

Такова въ основныхъ чертахъ разбираемая концепція. Если бы она была вѣрна, то тогда мы имѣли-бы для восточнаго папизма Фотія не только давно подготовленную историческую почву, но и полное оправданіе: въ сущности, Фотію нечего было думать о расширеніи своихъ правъ на счетъ восточныхъ собратьевъ; эти права ему давно и законно принадлежали. Ему оставалось закрѣпить ихъ въ церковномъ и государственномъ законодательствѣ, что онъ и сдѣлалъ—на соборѣ 879 г. и въ Эпанагогѣ.

Концепція восточнаго папизма, какъ она изложена проф. Барсовымъ, нельзя отказать въ стройности и послѣдовательности. Но другой русскій канонистъ, проф. А. С. Павловъ, рѣшительно отвергъ ее, какъ покоящуюся на неправильно истолкованныхъ каноническихъ источникахъ. Основныя положенія критики проф. Павлова таковы ¹⁾.

Въ халкидонскихъ правилахъ тщетно искать тенденцію подчинить к-польской каедрѣ восточныхъ патріарховъ. Соборъ разрѣшилъ, 9 и 17 правилами, апеллировать на судъ митрополита къ экзарху великія области (здѣсь подъ экзархами разумѣются четыре патріарха, помимо к-польскаго) или къ престолу царствующаго града К-поля. Апеллировать къ экзархамъ великихъ областей будутъ, конечно, тѣ, кто живетъ въ ихъ патріархіяхъ (т. е. въ римской, александрійской, антиохійской и іерусалимской); апеллировать въ К-поль будутъ тѣ, кто живетъ въ діоцезахъ асійскомъ, понтійскомъ и

¹⁾ А. С. Павловъ. Теорія восточнаго папизма въ новѣйшей русской литературѣ каноническаго права. *Православное Обозрѣніе* 1879, т. III, стр. 476—499 и 734—765.

ѳракійскомъ, которые фактически уже давно подчинились к-польской каедрѣ. Такимъ образомъ, 9 и 17 халк. каноны только подтвердили за к-польскимъ епископомъ экзаршія (т. е. патріаршія) права, которыми фактически онъ пользовался и раньше, но не сдѣлали его высшимъ трибуналомъ для всего Востока. Только по недоразумѣнію въ халкидонскихъ правилахъ оказался нѣкоторый смыслъ, какъ-бы утверждающій за К-полемъ право принимать апелляціи со всего Востока. Дѣло въ томъ, что когда 9 и 17 каноны уравняли к-польскаго епископа съ экзархами великихъ областей (т. е. патріархами), соборомъ былъ принятъ, въ особомъ дополнительномъ засѣданіи, 28 канонъ, гдѣ между прочимъ специально говорится о подчиненіи К-полю асійскаго, понтійскаго и ѳракійскаго діоцезовъ. При такомъ условіи, только что установленная редакція 9 и 17 каноновъ оказывалась уже неточной и ее слѣдовало, для избѣжанія недоразумѣній измѣнить ¹⁾. Этого не сдѣлали, и тогда открывалась возможность давать двумъ указаннымъ правиламъ, въ ихъ сопоставленіи съ 28-мъ, толкованіе въ смыслѣ подчиненія к-польскому епископу восточныхъ патріарховъ. Но что такая мысль была чужда собору, и что соборъ предоставилъ права высшей инстанціи въ каждомъ патріархатѣ только его собственному патріарху, видно изъ закона Юстиніана отъ 530 г., подтвердившаго наличное положеніе равенства патріаршихъ каедръ. Равнымъ образомъ, Трулльскій соборъ только пересчиталъ пять патріаршихъ престоловъ въ порядкѣ ихъ старшинства (пр. 36), но не учреждалъ двухъ центровъ высшей правительственной власти, Римъ и К-поль, и не подчинялъ К-полю восточныхъ патріархій, такъ какъ въ другихъ правилахъ онъ принципиально высказался противъ ограниченія правъ каедръ, подпавшихъ подъ власть невѣрныхъ (пр. 37 и 39). Наконецъ, въ 1-мъ канонѣ собора 879 г. рѣчь идетъ только о томъ, чтобы осужденные въ Римѣ не принимались въ общеніе въ К-полѣ и наоборотъ, и чтобы не было нововведеній въ правахъ папы, т. е. чтобы не нарушались права, признанныя за римскою каедрой прежними соборами.

Такимъ образомъ, церковные каноны не даютъ никакихъ

¹⁾ Очевидно, нужно было выбросить слова: „или къ престолу царствующаго града К-поля“.

основаній предполагать, чтобы на востокѣ существовала теорія восточнаго папизма.¹ Что касается Эпанагоги, то А. С. Павловъ считалъ, вслѣдъ за Zachariae, этотъ памятникъ лишь проектомъ закона, который официально никогда опубликованъ не былъ и силы дѣйствующаго закона не имѣлъ. Поэтому и вообще А. С. Павловъ утверждаетъ, что общецерковной нормой была и оставалась идея равенства патріарховъ, какъ, напр., она выражена въ извѣстной теоріи пяти чувствъ и раскрыта у Зонары и Вальсамона.

Сопоставляя двѣ концепціи, изъ которыхъ одна утверждаетъ византійскій папизмъ, а другая идею равенства патріарховъ, нельзя не отдать предпочтенія второй. Аргументація А. С. Павлова вполне убѣдительна. Но, въ сущности, для насъ, для нашихъ цѣлей, она даетъ мало. Пусть въ Византіи общецерковной нормой была идея равенства патріарховъ; однако были возможны побочныя, неофициальныя теченія, подготавливавшія и распространявшія въ церковномъ сознаниі идею подчиненія; къ этому-то теченію могъ примыкать и Фотій. Такое теченіе было возможно уже въ виду двусмысленности 9 и 17 халк. правилъ; а что оно дѣйствительно существовало, видно изъ древней схолии на 28 халкид. канонъ, и изъ болѣе поздней на 9 халкидонскій, отмѣченныхъ тѣмъ-же А. С. Павловымъ. Да, наконецъ, одной Эпанагоги достаточно, чтобы засвидѣтельствовать это теченіе, тѣмъ болѣе, что Эпанагогу повторяетъ синтагма Властаря.

Итакъ, теченіе существовало; оно закрѣплено въ Эпанагогѣ и при томъ рукой Фотія. Оставалось-бы сдѣлать послѣдній выводъ, что Фотій хотѣлъ это побочное, неофициальное теченіе сдѣлать официальнымъ, имѣющимъ силу закона. Но здѣсь встаютъ два обстоятельства, которыя, думаемъ, отклоняютъ выводъ. Первое—то, что Эпанагогу нужно считать, вопреки Zachariae и повторившему его А. С. Павлову, не проектомъ закона, а распубликованнымъ и дѣйствовавшимъ закономъ¹). Второе—то, что Фотій не внесъ III-го титула Эпанагоги въ свой Номоканонъ. Если подчиненіе восточныхъ патріарховъ для Фотія было заключительнымъ пунктомъ его папистической программы, и если, наконецъ, ему удалось добиться изданія нужнаго ему государственнаго

¹) *Вл. Сократскій*, цит. соч. стр. 19—27.

закона, то не долженъ ли онъ немедленно внести этотъ законъ въ свой каноническій сборникъ, Номоканонъ, который составлялся или редактировался имъ въ томъ-же 883 г., когда и Эпанагога? Но Фотій этого не сдѣлалъ. Почему? Мы не умѣемъ подыскать другого отвѣта, какъ—потому, что не хотѣлъ ¹⁾. А не хотѣть онъ могъ только потому, что самая теорія восточнаго папства не прельщала его, и что планъ подчинить К-полю восточныя каѳедры не исходилъ отъ него. Если-бы понадобилось указать, кому-же нуженъ былъ этотъ планъ, то сдѣлать это не трудно: конечно, тому, кто создавалъ всю Эпанагогу, т. е. Василию Македонянину, и нуженъ былъ, вѣроятно, не по церковнымъ, а чисто политическимъ мотивамъ. Возможно, что политическіе успѣхи Византіи и постепенное ослабленіе арабскаго халифата внушали императору мечты о возвращеніи подъ византійскій скипетръ восточныхъ провинцій съ ихъ патріархатами; возможно, что онъ уже теперь пытался установить болѣе тѣсныя связи между имперіей и поработеннымъ христіанскимъ Востокомъ. Такъ какъ политическія связи были не доступны, то онъ могъ искать установить хотя-бы церковныя,—и въ этомъ смыслѣ нужно понимать появленіе въ Эпанагогѣ 9 и 10 главъ III титула.

Пора подвести итоги всему сказанному. Пересматривая отношеніе Фотія къ тремъ пунктамъ программы восточнаго папства, мы видѣли слѣдующее. Во 1-хъ, Фотій, дѣйствительно, отвергъ папскій приматъ; но сдѣлалъ это не по своей инициативѣ. Во 2-хъ, его обвиненіе западной церкви и папы въ неправославіи устраняло папу изъ патріар-

¹⁾ Между тѣмъ внести 9 и 10 главы III титула Эпанагоги въ главу 5-ю титула I-го Номоканона было-бы вполне умѣство. Тамъ уже стоятъ постановленія Юстиніановскаго законодательства о к-польскомъ патріархѣ,—„о томъ, что глава всѣхъ церквей—Константинополь“ (Cod. Just. lib. I, tit. I, cap. 7; Novella 131), что „епископъ к-польскій имѣетъ первенство предъ другими“ (Cod. lib. I, tit. II, cap. 16). Если эти выраженія въ Юстиніановскомъ правѣ должны пониматься въ ограничительномъ смыслѣ, въ виду тѣхъ преимуществъ, какія Юстиніанъ подтверждалъ за римской церковью (о римской каѳедрѣ: та-же 131 новелла; Cod. lib. I, tit. I, cap. 8; Nov. 9), то ссылка на Эпанагогу, въ которой Римъ обходится полнымъ молчаніемъ, и смыслъ постановленій которой о к-польскомъ епископѣ ничѣмъ не ограничивается и не ослабляется, давала бы окончательное торжество примату византійскаго патріарха.

шей пентады и открывало ему первое мѣсто среди прочихъ патріарховъ. Но его энциклика и вообще полемика противъ Рима были вынужденной самозащитой, а не возникли *motu proprio*, и ни откуда, далѣе, не видно, чтобы онъ заявилъ сколько-нибудь ясныя личныя притязанія на первенство. Наконецъ, въ 3-хъ, свѣтское законодательство издаетъ законъ, очевидно, и редактированный самимъ Фотіемъ, фактически подчиняющій восточныхъ патріарховъ к-польской кафедрѣ; и Фотій не даетъ этому закону церковной санкціи, т. е.,—остается думать,—не хочетъ пользоваться имъ. Осуществленіе всѣхъ трехъ пунктовъ папистической программы давалось въ руки само собою, безъ борьбы и усилій, даже независимо отъ личныхъ желаній Фотія. Стоило захотѣть, и онъ могъ присвоить себѣ положеніе восточнаго папы; но онъ не захотѣлъ.

Епископу Новаго Рима исторія предлагала тиару восточнаго папства; и—Фотій не принялъ ее.

Въ заключеніе — нѣсколько поясненій *pro domo sua*. Въ своемъ очень короткомъ предисловіи къ нашему сочиненію мы вынуждены были оправдывать самое право на появленіе нашей книги. Даже небольшого знакомства съ темой, состояніемъ источниковъ и литературы достаточно, чтобы понять необходимость такого оправданія. А если такъ, то очень возможно, что намъ зададутъ вопросъ: зачѣмъ брать подобную тему? Если источники противорѣчивы и запутаны, если вопросъ обслѣдовался учеными силами, которыя, конечно, несравнимо крупнѣе нашихъ, если и въ самой литературѣ отражены противорѣчивость источниковъ и противоположность скрытыхъ въ нихъ тенденцій, и не только отражены, но углублены и обострены конфессіональнымъ интересомъ, связаннымъ съ личностью и дѣломъ Фотія, то неужели благоразумно братья за такую работу? Да,—конечно, не благоразумно. И, чтобы объяснить это явное неблагоразуміе, нужно прямо сказать, что тема взята еще въ студенческіе годы, и взята не столько по своей научной интересности и нужности, сколько подъ вліяніемъ другого интереса, который, собственно, не можетъ быть названъ научнымъ. Это — интересъ къ факту раздѣленія и проблемѣ соединенія церквей.

Есть что-то притягивающее въ этомъ фактъ и въ этой проблемѣ. Даже въ болѣе зрѣломъ возрастѣ трудно оставаться къ нимъ равнодушнымъ; тѣмъ труднѣе это въ юношескіе годы, когда всё противорѣчія жизни глубже трогаютъ, сильнѣе волнуютъ. Не разъ, юношей, приходилось останавливаться на страницахъ церковной исторіи, повѣствующихъ о великомъ разрывѣ церковей, и, съ трудно сдерживаемымъ волненіемъ, думалось: какъ возможно, чтобы церковь—единая, соборная, вселенская—могла раздѣлиться? Пусть скажутъ, что она и не могла раздѣлиться, и не раздѣлилась; что восточная церковь, которой удѣлено великое счастье сохранить вѣрность вселенскому православію, спасла и единство, и соборность, и вселенскость церкви, и только отдѣлились отъ нея тѣ, кто подмѣнилъ чистыя идею и идеалъ церкви идеями и идеалами искаженными и помраченными. Пусть напоминаютъ, что нельзя указать въ церковной исторіи такой эпохи, когда не было-бы раздѣленія и ереси, и это отъ Симона Волхва до нашихъ дней, отъ Керинеа до послѣдней модной антирелигіозной теоріи, расцвѣтшей сегодня и никому не нужной завтра;—что, наконецъ, и среди Двѣнадцати былъ Искаріотъ. Все это такъ; все это вѣрно. Но не мирится умъ съ тѣмъ, что есть Единный Пастырь и нѣтъ единого стада; не принимаетъ, не хочетъ сердце этого раздѣленія. Пусть ереси и расколы существовали всегда: пусть отрывались отъ церкви цѣлыя общества и племена; пусть несторіанство отторгло Персію, монофизитство Египеть и почти Арменію; все-же въ религіозномъ союзѣ оставались два главныхъ, по культурѣ и численности, народа греко-римскаго міра. Отпаденіе окраинъ не казалось чувствительнымъ. Гораздо больнѣе, гораздо ощутительнѣе дѣйствуетъ на религіозное чувство великій расколъ IX—XI вв., великое отпаденіе западной половины христіанскаго міра отъ восточной. Рухнулъ *тысячелѣтній* союзъ, и каждая половина пошла своимъ путемъ, не какъ Авраамъ и Лотъ, мирно подѣливъ между собою кругъ земли, оставивъ однимъ Востокъ, себѣ взявъ Западъ; а съ враждою въ сердцахъ, съ анаемой на устахъ. Не десятки и сотни тысячъ ушли изъ лона вселенскаго православія, а милліоны и, если принять во вниманіе историческую послѣдовательность временъ, то милліоны милліоновъ и тьмы тьмъ. Былъ и среди Двѣна-

дцати Искаріотъ. Но, если-бы уходившій съ вечера предатель ушелъ не одинъ, а увелъ за собою еще пять... развѣ не дрогнетъ, сжимаясь холодомъ, ваше сердце?

И казалось юношескому уму, что въ вопросѣ о раздѣленіи есть какое-то роковое недоразумѣніе, что сказано и сдѣлано здѣсь что-то не такъ; что нужно вскрыть, выяснить, какъ и почему все это случилось, и тогда откроется возможность къ устраненію недоразумѣній, намѣтятся пути къ примиренію.

Вотъ интересъ, которымъ опредѣлился для насъ выборъ кандидатской темы.

Года студенческой работы было достаточно, чтобы познаться съ тѣми терніями, какими угрожалъ путь въ избранномъ направленіи. Возможно было и отступленіе. Но не остывшій интересъ получилъ новый толчокъ. Едва засохли чернила кандидатскихъ рукописей нашего курса, какъ судьбѣ было угодно дать намъ возможность посѣтить св. Землю. Извѣстно, вѣроятно, всѣмъ, а кто былъ въ Палестинѣ, тѣми и лично испытано, съ какою жуткою ясностью очерчиваются, въ какія горестныя житейскія формы отливаются взаимно-враждебныя отношенія между церквами и исповѣданіями тамъ, въ Іерусалимѣ, у Гроба Господня. Жгучее противорѣчіе между христіанскимъ идеаломъ этихъ отношеній и гнетущей дѣйствительностью нестерпимо. Вѣдь, казалось-бы, что, если въ мірѣ нѣтъ ничего выше религіи, и нѣтъ религіи выше христіанства, то нѣтъ и не можетъ быть у людей на землѣ ничего дороже колыбели этой религіи; и уже во всякомъ случаѣ для христіанъ нѣтъ и не можетъ быть ничего святѣ той земли, города и мѣста, которые освящены словомъ Христа, Кровью Его, лучезарнымъ свѣтомъ Воскресенія. Не естественно-ли ждать, что сюда, къ св. Гробу, общей Святыни христіанскаго міра, человѣчество несетъ все, что у него есть самаго высокаго и цѣннаго. Но что можетъ быть выше и цѣннѣе христіанской любви и братскаго мира? Поэтому здѣсь, у Гроба Любви и Источника мира, нѣтъ мѣста враждѣ и раздѣленію. И чѣмъ можетъ человѣчество выразить благоговѣйное преклоненіе предъ святыней мѣста? Не посвятить-ли ему, не окруживъ-ли его самыми чистыми твореніями своего генія? И невольно ждешь—не гдѣ-либо, а именно *здѣсь*—встрѣтить Мадонну

Рафаэля, Васнецовскую Богоматерь въ Облакахъ, Моисея Микель-Анжело. И спрашиваешь: развѣ не прислалъ сюда римскій Петръ свой куполь, константинопольская Софія— мозаики и колонны, кѣльнскій соборъ—стрѣльчатые своды, венеціанскій Маркъ свою колокольню, московскій кремль свой красный перезвонъ? И даже больше: неужели Эллада,—обращенная, отдавшая христіанству лучшія проникновенія своей философіи Эллада,—не могла принести въ даръ и бѣлоснѣжныя колонны Пареемона, чтобы онѣ, когда-то сплетавшія мраморный хороводъ вокругъ храма богини-дѣвы, встали теперь смиренной, но прекрасной толпой предъ храмомъ Сына Дѣвы, у вратъ, тамъ, гдѣ мѣсто „кающихся“,— хотя едва-ли онѣ повинны нести покаяніе? И еще больше: развѣ не могъ Египеть, — христіанскій Египеть, — послать сюда древняго стража своей пустыни, сфинкса, чтобы онъ, когда-то державшій между своихъ гранитныхъ лапъ *цѣлый храмъ*,—*всю религію*,—теперь пришелъ и легъ, касаясь послѣдней изъ плитъ послѣдней ступени христіанскаго храма, и въ этомъ, наконецъ, нашель,—нашель навѣки,—свой смыслъ, котораго жадно искали, въ пустынѣ тысячелѣтій, его безсмежныя очи? И думалось: развѣ не бываетъ здѣсь, у Святыни, такъ, что всѣ сыны Сіона, которые пришли къ нему отъ сѣвера и запада и моря и востока, всѣ, безъ различія крови, языка и исповѣданій, молятся вмѣстѣ; и послѣ всенощной Чайковскаго исполняется Баховская месса; и когда клиръ, которому имя *Востокъ*, пропоетъ знаменный задостойникъ, другой клиръ,—и имя этому клиру *Западъ*, — отвѣчаетъ Ave Maria; и потомъ сойдутся клиры, и несется къ небу, отъ единыхъ устъ и единого сердца, торжествующее Te Deum. подъ гулъ кремлевскаго трезвона?

Но нѣтъ того, чего ждется. А есть другое. Совсѣмъ другое. Не любовь, а ненависть. Не богатство и блескъ генія, а убожество разрушенія. Кто былъ тамъ, тотъ это знаетъ.

И тщетно силился умъ понять то, что, очевидно, не имѣло смысла. Не выдерживало сердце; и рождался въ немъ протестъ. И хотѣлось, чтобы всталъ изъ гроба Петръ Амьенскій, и кличемъ, слышнымъ отъ Пириней до Алтая, какъ огненнымъ бичомъ, поднялъ народы на новый крестовый походъ,—да пойдутъ, предводимыя благороднымъ Готфридомъ, неисчислимыя крестоносныя рати—на освобожденіе

Гроба Господня отъ того ига, которое наложили на него вѣроисповѣдныя недоразумѣнія и вражда.

Вотъ іерусалимскія настроенія, переживаемыя, вѣроятно, всѣми. Подъ ихъ впечатлѣніемъ, исторія раздѣленія приобрѣтала еще большій интересъ. Хотѣлось знать, какъ все это случилось,—въ надеждѣ когда нибудь увидѣть, возможно-ли соединеніе церквей въ предѣлахъ человѣческой исторіи.

Этотъ интересъ ничѣмъ не отразился въ нашей научной работѣ; но онъ удержалъ насъ у прежней темы.

Вотъ гдѣ источникъ проявленнаго нами неблагоразумія. Это—молодыя думы, юношескія устремленія.

Можетъ быть, о нихъ не всегда жалѣютъ. Но, уже во всякомъ случаѣ, за нихъ всегда платятся.

Въ какой мѣрѣ суждено поплатиться намъ, это сейчасъ и покажутъ мнѣ мои достоуважаемые оппоненты.

О. Россейкинъ.